Анатолию и Нине Шараповым

Весна выдалась дружная. Март настырно теснил старушку-зиму к порогу. Ночами она ещё хорохорилась, вымораживала мелкие лужицы дочиста, а более крупные успевала лишь застеклить хрустким ледком. Днём же расторопный провесень опять брался за своё. Он срывался с крыш весёлой капелью и основательно подмачивал репутацию осевшим рыхлым сугробам. Но сегодня зимушка, видимо, сдалась совсем. Уже давно свечерело, на небе вовсю роились яркие светляки, однако за окошком не умолкало настойчивое капанье. Дина и Николай сидели, обнявшись, и слушали эту незатейливую весеннюю песенку. Она обещала скорое тепло, которое будет понемногу вытаивать людей из тяжёлых зимних одежд. А там и травка заспешит на свет Божий, сначала возле фасадов домов да у заборов, а потом осмелевшая армия повсеместно выставит свои зелёные копья. И каждая былинка будет радостно распевать: «Пе-ре-зи-мо-ва-ли!»

Месяц по-хозяйски заглянул в комнату, разрисовал бликами стену возле детской кроватки, в которой сладко спал трёхлетний мальчик, и, скользнув на кухню, уставился ясным оком на этих двоих, сидящих в темноте на сдвинутых стульях. Маленькая хрупкая женщина, словно воробышек, припала к плечу крепкого мужчины с густой волнистой шевелюрой. У него были изуродованы кисти рук: на левой не хватало мизинца, а на правой было всего два пальца — большой и указательный. Супруги любили так посидеть перед сном, после вечернего чая, когда сделаны все необходимые дела и сынишка убаюкан папиной сказкой. У Николая был какой-то особый дар чтеца и сказителя. Красивый голос с едва слышной бархатной хрипотцой творил со слушателем чудеса своей напевностью и богатством интонаций. Дина частенько просила мужа рассказать ей что-нибудь или почитать стихи. Он никогда не отказывался, начинал вполголоса какую-нибудь историю и непременно втягивал жену в диалог. Если же в беседу вкрадывалась печаль, то Коля крепче прижимал к себе свою пичужку и

прикасался губами к её каштановым кудрям. Воспоминания делали их ещё ближе, в такие минуты центр мирозданья перемещался сюда — в тесную однокомнатную квартирку, где самым главным местом была детская кроватка с безмятежно спящим малышом.

Сегодня Николай молчал, чуть покачивая в объятьях свою вторую половину. Дина уже собралась предложить ему своё привычное «расскажи», но он опередил её:

— Что-то мне сегодня мама приснилась...

— Добрый ли сон был? — встрепенулась Дина.— Давненько она не приезжала к нам.

— Сама знаешь, братец мой, Володька, не подарок. Мамой командует как хочет. И к нам её не пускает, наверное. Надо бы её навестить или хотя бы узнать, как она там...

— Что греха таить,— вздохнула Дина,— когда Венечка родился, нам очень-очень помощь мамы пригодилась бы, но Володя не разрешил: мол, будет с нашим сыном сидеть, нам нужнее. А сыну тогда у них уже одиннадцать лет было...

Николай помолчал и как-то виновато попросил жену:

— Ты не сердись на маму, она переживала очень, что не может нам помочь, я это точно знаю.

Дина улыбнулась и потёрлась о его грудь щекой:

— Что ты, разве можно на мам сердиться? Это же мама... Да и на сестёр твоих сердиться нельзя. Помнишь, когда Маруся с Урала гостить приезжала? Она мне тогда сказала: «Спасибо тебе, Диночка, за брата, я теперь за него спокойна». А какую шаль мне подарила! Всё хорошо, Коленька, мы справляемся сами, верно? И дальше справимся, обязательно справимся. Вон сколько у нас друзей хороших, верных, отзывчивых. Разве они дадут нам пропасть? По первому зову бегут, последним делятся. Да про сон-то расскажи: добрый ли?

— Детство приснилось, деревня, которую я наяву совсем не помню. Маленький был, три года всего стукнуло мне, когда мать надумала в город перебираться. Папка на фронте погиб в сорок четвёртом. А нас у неё четверо было. Как поднимать ребятню одной в разваленном колхозе? Кони такой работы не выдерживали, падали замертво. Слабые были от бескормицы и старые, добрых-то коней всех отправляли на фронт. Мамка моя быков объезжала, к ярму приучала их. Эта работа не всякому мужику под силу, а тут женщина, не великанша, не силачка. Быки эти у неё не один год жизни отняли. Даже много лет спустя не могла она про них спокойно вспоминать. Помощи ждать было неоткуда. Главную помощницу —

старшую дочку Катюшу — в сорок первом забрали окопы рыть. Так с лопатой до Польши и дошагала. Демобилизовалась вся больная, ей самой помогать нужно было — хворь на хвори... Остальные — мал мала меньше. А я на самом краешке по меньшинству стоял.

— Ты мне про детство совсем мало рассказывал,— встрепенулась Дина.— Расскажи сейчас, расскажи!

— Да что рассказывать-то? Я и сам те года почти не помню, с маминых слов только... На наше счастье, вернулся с фронта папин брат — дядя Иван. Предложил он маме в город перебраться, пообещал устроить её на работу в воинскую часть. Председатель колхоза, конечно же, не отпускал покладистую работницу, не говоря уже о помощи в переезде. Как-то сумела она уладить это дело, справку выцарапать, паспортов-то у колхозников тогда не было. Нагрузили пожитки на корову Пестрёху. Добрая коровёнка была, послушная. Кое-какие узлы несли в руках. А меня, трёхлетнего, заманивали конфетами: «Иди ножками, Коленька, тебе в городе конфет дадут, они сладкие-сладкие, слаще вяленой свёколки!» Я верил, топал старательно рядом со всеми. Но надолго силёнок не хватило. Уселся на придорожную кочку и сказал: «Не надо мне ваших конфет, не пойду дальше!» Тогда меня посадили верхом на Пестрёху. Однако за корову волновались больше, чем за меня,— не пропало бы молоко. Поэтому ехал я больше на своей сестрёнке Марусе. Так, попеременно, то Маруся, то Пестрёха... доставили меня на новое место жительства, в Николо-Малицу — деревушку на окраине Калинина. Здесь, в монастыре, стояла воинская часть, где работал дядя Иван. Если бы не он...

Николай помолчал. Дина не торопила мужа, только ласково гладила его руку. Наперегонки с капелью за окошком тикали ходики. И вот бархатный баритон снова вступил в этот стихийный оркестрик:

— А жить нас поселили в землянке, которая была вырыта в войну для офицерского состава. Вместительная была землянка, с печкой. Да, спасительница наша — русская печка, в которой и еду готовили, и мылись тоже. А ты в печке мылась? — шутливо спросил он Дину.

— Нет! — она тихонько засмеялась.— У нас в селе бани были хорошие, в печке только готовили. Ты рассказывай, рассказывай!

— Ну вот... нас в одну землянку определили, а Пестрёхе выделили другую — солдатскую. Та землянка простой была, без бревенчатой облицовки, без печки. Стояла она на отшибе, метрах в пятистах от офицерской. За нею леснячок небольшой

был и болотинка. Наша Пестря успешно перезимовала в своей землянке. И всё бы ничего, но весной затопило её жилище. Пестрёха, почти по брюхо, оказалась в ледяной воде. Пришлось кормилицу перевести к себе. Так и жили, пока вода не ушла,— пятеро людей и корова. Всё на маме... работа, забота, холод, голод... Потом, опять же хлопотами дяди Ивана, удалось умилостивить начальство, и нам выделили келью в монастыре.

— Кельи же маленькие! — удивилась Дина.

— Не всегда. Наша большая была, и опять же — с печкой. Просторно, тепло, светло — живи и радуйся. Но мама очень боялась казённых помещений, хотела свой угол иметь, собственный. И мы стали строиться. Разбирали землянку. Из леса брёвен добавляли. С разрешения начальства, конечно. Как мама это всё осилила? Одна ведь, с нас-то какой спрос? Детвора — одни игры на уме. А я заводилой рос, атаман-сорвиголова. В лес любил убегать, ничего и никого не боялся, о маме не думал. Лес и наказал меня — вернее, не лес, а бесшабашность мальчишеская... ну, ты знаешь...

Николай замолчал, а Дина, чтобы увести его от горьких воспоминаний, напомнила про сон:

— А как мама тебе нынче приснилась, что говорила?

Николай вздохнул:

— Плакала она. Смотрит на меня и плачет, а близко не подходит. Я к ней, а она отдаляется, словно боится чего-то...

— Ты не думай о плохом, ладно? Мы непременно выберемся в Николо-Малицу.

— Ладно, разумница моя,— он улыбнулся и ласково коснулся губами её волос.— Пойдём-ка послушаем, как там наше счастье в кроватке сопит, да и сами ляжем, поздно уже. Пойдём, свет мой?

— Ты мой свет! — эхом отозвалась Дина и ещё раз крепко прижалась к мужу.

За ночь Дина несколько раз просыпалась. Привычно прислушивалась. Квартирную тишину разбавляли монотонный стук маятника в настенных часах да тихое посапывание её дорогого семейства. Стараясь не разбудить мужа, она выскальзывала из-под одеяла и подходила к детской кроватке. Осторожным прикосновением проверяла, не сбилось ли с Венечки одеяло. Поправляла и снова ложилась. Дина привыкла спать вполглаза с той самой поры, как появился у них долгожданный, вымоленный у Господа малышок. Врачи запрещали Дине рожать по состоянию здоровья, и она долгих девять лет упорно шла к своему материнству.

Утро хлынуло в открытую форточку свежим ветерком и волглым весенним ароматом. За окошком вовсю митинговали воробьи.

— Почуяли весну, голубчики! — улыбнулась Дина.— Вы мне так сыночка разбудите. А ему сегодня рано вставать ни к чему, выходные мы.

Воробьиную трескотню разбавляли машинные гудки, хлопанье двери в подъезде, людские голоса. Утро набирало обороты.

Дина поставила на плиту чайник, чиркнула спичкой, прислушалась к гудящему пламени, потом по привычке втянула ноздрями воздух: не пахнет ли газом? Включив радио, она сделала звук еле слышным, чтобы не разбудить своих мужчин, и принялась колдовать над завтраком. Молодая хозяюшка любила готовить в компании диктора, полушёпотом вести с ним шутливую беседу, мурлыкать в такт музыке, тихонько подпевать солистам и ансамблям.

— Кто кого сегодня переговорил? — послышалось от двери.

Дина обернулась на голос мужа:

— Ты уже проснулся? Воробьи за окном, вот кто всех переговорил! Слышишь, Коленька, как они сегодня разошлись? Такой славный хор — величальный! Весну славят, тёплышко. А тебе сегодня сны хорошие снились?

— Хорошие, заботница моя,— сказал Николай.— Только не запомнилось ничего.

— И не беда,— отозвалась Дина.— Главное, что хорошие. А у меня почти всё готово! Умываться — и за стол!

Они не спеша позавтракали. Потом Николай занялся грязной посудой, это была его привилегия. А Дина возилась с проснувшимся Венечкой. Одевая малыша, она поцеловала ему каждый пальчик и несколько раз чмокнула в крепкие, как яблочки, щёки.

— Что на обед будем готовить? — донеслось из кухни.

— Люда обещала прийти — значит, можно картошку почистить. Приступай, если других дел нет.

— Приступаю,— отозвался Николай.

— Папка у тебя — золото! — сказала Дина Венечке, подхватила его на руки и хотела отнести на кухню, чтобы покормить.

Но тут раздался звонок в дверь.

— Что-то Люда рановато нагрянула,— удивилась Дина.

— Я открою,— сказал супруг, направляясь к дверям.— Кто там?

— Это я, сынок, мама...

Николай торопливо повернул в дверях ключ и крикнул жене:

— Диночка, мама приехала!

— Надо же,— изумилась та,— а мы ведь только вчера говорили о ней.

Выйдя в прихожую, Дина услышала, как муж сообщает матери о том же, и сказала громко:

— Сон-то в руку, Коленька! Здравствуйте, мама! Как добрались?

Затем обратилась к малышу, притихшему на её руках:

— Бабушка к тебе в гости приехала. Сейчас папочка поможет ей раздеться, и она поиграет с тобой. Обними-ка бабулю скорей.

Свекровь подошла к ним и обняла сразу обоих, потом расцеловала.

— Ну, иди ко мне, Венюшка.

Старушка хотела взять внука на руки, но тот крепко прижался к мамочке.

— Ничего-ничего, он быстро привыкнет к вам,— обнадёжила Дина.— Пойдёмте его вместе покормим, а потом будем чай пить.

За кашей Венечка окончательно освоился на бабушкиных коленях, а Дина в это время достала из серванта праздничный сервиз. Насыпала в вазочку кусковой сахар, нашарила на полочке щипцы. Она помнила, что Евдокия Фёдоровна любит чай вприкуску и перед чаепитием мелко дробит кусок твёрдого развесного сахара, а слабенький прессованный сахар из пачек не признаёт совсем.

Свекровь засомневалась было, стоит ли такие дорогие чашки доставать по никчёмному поводу, но Дина успокоила её:

— Вы у нас самый дорогой гость.

Гостья вздохнула украдкой, и по лицу её пробежала тень.

Наконец все новости были пересказаны, чашки наполнили во второй раз. Венечку заняли игрушками.

— Колюшка...— начала осторожно Евдокия Фёдоровна.— Ты мне паспорт верни, ради Бога, нужен он мне...

Паспорт мать принесла сыну давно, ещё до рождения Венечки. Молодое семейство надеялось получить двухкомнатную квартиру, прописав Евдокию Фёдоровну в свою комнатушку. Мать к сыну прописали бы безоговорочно. Но Владимир почему-то принял эту просьбу в штыки. Против его воли не пошли, чтобы не навредить матери, а паспорт её так и остался в папке у младшего сына, где хранил он документы и важные бумаги.

Что-то в материнском голосе насторожило Николая. Он ещё за чаем почувствовал некоторую тревогу: уж больно

напряжённо звучал голос мамы, хотя она старалась говорить бодро и даже весело.

— Зачем это он тебе понадобился? — поинтересовался Николай.

— Так документ ведь, пусть при мне будет,— совсем робко пробормотала старушка.

Её ответ лишь усилил подозрения.

— Мам, только честно скажи, что там у вас с Володькой? В запое опять? Зачем ему твой паспорт?

Евдокия Фёдоровна молча тискала в руках край скатерти.

— Ну так я поеду сейчас и сам спрошу. Дина, сходи к соседям, вызови такси!

— Не езди, Колюшка, не езди! — всполошилась мать, в голосе её появились умоляющие нотки.— Не знает он ничего! Это не ему, это мне паспорт нужен. Сил моих больше нет, пенсию всю до копеечки ему отдаю, а всё одно куском хлеба попрекает, выгнать грозится. Скандалить стал почти каждый день. Вчера так разбушевался, что решила я в дом престарелых...

У Дины из рук выпала чайная ложка. Николай насупился, заиграл желваками:

— Это при живых-то детях!

— Да ведь Марусенька далеко, на Урале, одна с детишками бьётся, еле-еле концы с концами сводит. Зачем ей лишний рот? Мне и не на что ехать в такую даль. А у Катюши в семействе совсем ладу нет, сожитель ещё хуже нашего Володьки: и пьёт, и руку на неё поднимает. Нельзя мне к ним.

Николай едва сдерживал гнев, пальцы левой руки непроизвольно сжались в кулак.

— Диночка, сходи-ка всё же к соседям, вызови такси. А ты одевайся, мама.

— Зачем же такси, Колюшка? Я на автобусе...

— А затем, что за вещами твоими поедем, жить будешь у нас.

Евдокия Фёдоровна охнула и забормотала торопливо:

— Да как же можно, Колюшка? Стыдно мне к вам проситься, совестно. Вовремя не помогала, а теперь бессильная совсем, да к вам на шею! Да в такую тесноту! А вы ведь оба незрячие! Оба! Куда ж вам такая обуза?

— Почему же обуза? — ободрила старушку Дина.— Вы нам очень, очень нужны. Вот мы картошку начистили, Людочку ждём, чтобы она глазки на той картошке повырезала. А теперь можно будет друзей уже готовой картошечкой

угощать — мама её проверит и до ума доведёт. И Венечку покормить поможет,— Дина рассмеялась весело.— Я ведь пока этого непоседу кормлю, всего кашей перемажу.

— Нет, нет, дорогие мои,— всхлипывала Евдокия Фёдоровна,— не могу я к вам. Стыдно. Ведь Коля, как подорвался на мине в лесу ещё ребёнком, можно сказать, при мне и не был: сначала в больнице в Калинине, потом в школе для слепых в Бежецке, потом в Нижнем Тагиле профессию получал, всё сам, без моей помощи. А как поженились вы, дитё народилось, опять я в стороне была — Володю боялась прогневить. Из-за меня вы большую квартиру не получили. Могу ли я теперь к вам проситься, окончательно стеснять вас?

Николай хлопнул по столу изуродованной ладонью:

— Будешь жить у нас, я сказал! Динуля, ты здесь ещё или уже у соседей? — обратился он к жене.— Давай-ка пулей, а я пойду переодеваться.

Евдокия Фёдоровна оглядывала тесную кухоньку, удивлялась чистоте и порядку. Как только управляется с домашним хозяйством, с малышом, с работой слепая невестка? У иных зрячих такого порядка нет... Старушка хотела подняться, помыть чашки, убрать со стола, но силы совершенно оставили её. Слёзы текли и текли по щекам. Она их торопливо вытирала, стараясь не всхлипывать, чтоб не напугать внука: вдруг услышит и прибежит сюда? Думала, что и слёз-то у неё уже нет, все выплаканы бессонными ночами,— ан нет, вот они: льются и льются... Вернувшаяся Дина застала свекровь в полной растерянности и слезах.

— Не плачьте, мама, всё будет хорошо.

Дина обняла страдалицу, вытерла ей слёзы и повела в прихожую одеваться. Чмокнув мужа у порога, шепнула ему на ухо, чтобы не связывался с братом, не затевал скандала, уж лучше пусть без вещей возвращаются. Перекрестила уходящих, прислушалась к звукам в комнате: как там Венечка?

Перемывая чашки, Дина никак не могла унять тревоги. Нет, ни малейшего протеста не возникло в душе молодой незрячей женщины после случившегося события. Она сразу приняла решение мужа. Пусть в их тесной квартирке теперь будет больше на одного человека, но это же мама! Разве можно было с нею поступить иначе? Дина тревожилась о другом: лишь бы этот переезд свершился мирным путём, всё остальное они осилят. Непременно осилят.